

Шань Шэнъян стоял на балконе больничной палаты, прижимая телефон к уху.

Услышав слова Жун И, он до боли сжал пальцы на корпусе смартфона.

Он прекрасно понимал, к чему клонит Жун И: если он сейчас сбросит вызов, тот применит всё своё влияние, чтобы больница прекратила поиски подходящего костного мозга для его сестры.

Шань Шэнъян знал, насколько безжалостен Жун И, поэтому не мог рисковать жизнью сестры.

— Я вернусь, — ответил он.

Повесив трубку, Шань Шэнъян вернулся в палату и с виноватым видом посмотрел на сестру:

— Прости, не смогу остаться с тобой сегодня вечером. Жун И позвонил и потребовал, чтобы я вернулся.

— Значит, я для тебя всё-таки не так важна, — Шань Шэнши притворно всхлипнула, но, увидев, с каким болезненным выражением лица смотрит на неё брат, тут же рассмеялась: — Я шучу! Я знаю, что ты любишь меня больше всех. Иди скорее, я справлюсь сама.

Шань Шэнъян кивнул, собрал вещи и покинул больницу.

Когда он вернулся домой, Жун И сидел на диване с закрытыми глазами, делая вид, что дремлет.

Услышав шаги, он открыл глаза, и ледяной, полный раздражения взгляд устремился на Шань Шэнъяна:

— Оpozдал на десять минут.

Месяц назад, осознав, что Жун И никогда его не любил, Шань Шэнъян был готов умереть от отчаяния. Но, пережив этот месяц, он окончательно разочаровался в супруге и даже привык к подобному холодному отношению.

— Что случилось? — спросил Шань Шэнъян, стоя в стороне.

— Иди и приготовь мне отрезвляющий отвар.

Шань Шэнъян не сдвинулся с места. Войдя в дом, он сразу понял, что Жун И пил и сейчас чувствует себя скверно. Это была старая слабость Жун И, мучившая его долгие годы. После свадьбы Шань Шэнъян специально отыскал рецепт отвара на травах, который отлично помогал, и каждый раз, когда Жун И страдал от головной боли после выпивки, готовил его. Раньше он считал это проявлением нежности в их отношениях, но теперь всё это казалось лишь нелепой шуткой.

— Сто тысяч, — Шань Шэнъян поднял палец.

Месяц назад Жун И уволил его из собственной компании, и у Шань Шэнъяна совсем не осталось источников дохода. Ему нужно было думать о будущем — своём и Сяо Ши. Хотя Жун И не давал согласия на развод, Шань Шэнъян не собирался позволить запереть себя в этой

клетке на всю жизнь.

Ледяной взгляд Жун И метнулся к нему, словно пытаясь прожечь дыру:

— Какое ты имеешь право ставить мне условия?

— Сто тысяч за рецепт и способ приготовления отрезвляющего отвара, — Шань Шэнъян, не дрогнув, встретил его взгляд, сохраняя полное спокойствие.

Этот рецепт он выстрадал, перепробовав бесчисленное количество вариантов. Жун И ненавидел вкус китайских лекарств, поэтому дозировка каждого ингредиента была выверена до мелочей: готовый напиток был лишен горького привкуса и при этом эффективно снимал головную боль.

Лицо Жун И помрачнело, а взгляд, устремленный на Шань Шэнъяна, стал по-настоящему опасным. Однако сто тысяч были для него пустяком, а предложение Шань Шэнъяна действительно приносило пользу, поэтому в конечном итоге он вытащил из кармана карту и бросил её на журнальный столик.

Шань Шэнъян подошел, забрал её и, довольный результатом, направился на кухню.

На следующее утро, когда Шань Шэнъян проснулся, Жун И уже ушел.

Пока он готовил завтрак, ему позвонили из больницы и велели явиться на операцию к десяти часам утра.

Повесив трубку, Шань Шэнъян посмотрел на кашу, которую приготовил машинально, и тут же потерял аппетит. Оказалось, что он всё же, сам того не осознавая, заботился о ребенке в своем чреве.

Впрочем, это закономерно: пусть этот ребенок от Жун И, но он всё равно его собственный. Как второй отец, разве мог он оставаться равнодушным?

Шань Шэнъян выключил плиту и сел на стул.

Но если этот ребенок родится, он не обретет полноценного семейного счастья. И вместо того чтобы обрекать его на страдания в будущем, не лучше ли проявить жестокость сейчас и задушить все мучения в колыбели?

<http://bllate.org/book/18691/1806288>